

ЛЕРМОНТОВУ – 200 лет

К 200-летию со дня рождения Лермонтова

В конце февраля 1833 года юнкер Лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтов получает из Москвы письмо от своего старого друга Алексея Лопухина, в котором тот благодарит его за присылку нарисованной им картины маслом "Предок Лерма" (*герцог Лерма – политический деятель Испании XVI-XVII вв.*). Странный сюжет картины для России!

Он объясняется тем, что Михаил Юрьевич, ранее никогда не карабкавшийся по ветвям родословного древа своего отца, производил свой род от испанского герцога Франсиско Лермы, министра короля Филиппа III. Наверняка, с этим связан его интерес к истории этой страны (юношеская драма "Испанцы"), возможно, навеянный и драмой Ф.Шиллера "Дон Карлос", где фигурирует его предпологаемый предок. Он даже писал свою фамилию "Лермантов"; такое же написание фигурирует во многих официальных документах.

Однако Лерма – это не фамилия, а титул по названию родового владения (в Испании до сих пор существует герцог Лерма), а герцог родился в аристократической семье грандов, носившей родовую фамилию Сандоваль-и-Рокас (*Sandoval-y-Rojas*).

Впоследствии Лермонтову стало известно о своих шотландских корнях и происхождении от знаменитого барда, воина и пророка Томаса ЛермОнта из Эрслиндауна (1220-1297). Томас Стихотворец (*Thomas the Rhymier*), как его называли современники, воевал против Макбета на стороне короля Малькольма, и получил от него во владение ленные поместья. Он является автором широко известной средневековой поэмы "Тристан и Изольда", которую отличают утонченный стиль, изысканный стихотворный размер, аллитерации и изысканный язык. Эта поэма вдохновила великого немецкого композитора Р.Вагнера на создание одноименной оперы.

Дар провидца проявился у Лермонта в сборнике "Пророчества", где Томас предсказал гибель короля Александра в 1286 г., поражение шотландцев от англичан в кровавой битве при Флуддене (1513); сбылось и много других его предсказаний, в том числе и о союзе Шотландии и Англии, который осуществит потомок королевского рода Брюсов:

Он будет сын французской королевы, Он править станет всей Британией до моря; Из рода Брюсов будет он по крови В девятом поколеньи, – я предвижу,

Этим королём Соединённого Королевства в 1603 году стал Джеймс VI, в истории Англии он известен как Иаков I, сын бывшей французской королевы Марии Стюарт, потомок в девятом колене первого короля Шотландии Роберта Брюса. Михаил Юрьевич, узнав, что по отцовской линии он причастен к древнему и славному шотландскому роду Лермонтов, нашёл в этом своеобразную генеалогическую опору для творчества. У шотландского романиста и поэта Вальтера Скотта он отыскивает поэму о знаменитом барде Томасе Лермонте Эрслиндаунском и зачитывается ею в подлиннике. А средневековая Шотландия становится для него на это время краем мечты. "Арфы шотландской струны" задела сердце юнши:

На запад, на запад помчался бы я, Где цветут мои предков поля...

По словам В.Скотта, посвятившего Томасу из Эрслиндауна одну из лучших своих поэм, "...мало кто так прославился в преданиях, как он...". Легенда гласит, что Томас Лермонтов в юном возрасте был похищен на 7 лет феями (или эльфами), которые одарили его сверхъестественными способностями, дабы он мог применять их на

земле, отмерив время земного бытия – 77 лет.

И он не умер, а вернулся в волшебное царство фей, где и пребывает до сих пор. Изредка Томасу Стихотворцу даруется право выходить из очарованной страны, и тогда его поэтический и пророческий гений возрождается в одном из отдалённых потомков.

Георгий АБСАВА

*В возвышенных стихах
чарующая повесть
Велась свободно
вещуном правдивым.
И ни один из бардов не сумел
После него продолжить эту песню.*

Михаил Юрьевич, наверное, был бы немало польщён, если бы узнал, что состоит в отдалённом родстве с кумиром своей юности поэтом Дж.Н. Байроном. Как установлено уже в наше время, генеалогическая линия шотландских Лермонтов через линию Гордонов (фамилия матери Байрона) пересекается с родом Байронов: один из предков лорда Байрона по материнской линии, сэр Гордон, был женат на леди Маргарет Лермонт. Но такой информации Михаил Юрьевич не располагал – долгое время он даже не знал своего родового дворянского герба, и получил его рисунок значительно позже от дальнего родственника, задонского помещика Ивана Николаевича Лермонтова (по этому рисунку он заказал себе гербовую печать). Заслуживает упоминания интересная ассоциация: родовые дворянские гербы шотландских Лермонтов, испанских Лерма и русских Лермонтовых очень близки: в них имеются одинаковые геральдические элементы – стропило с ромбами и чёрные розы с шипами в поле щита. Рыцарский девиз Лермонтовых – "Sors mea Jesus" ("Жребий мой – Иисус").

Как считают современные исследователи, Георг (Юрий, Юрью – так он именуется в официальных документах того времени) Лермонт, перешедший на русскую военную службу в начале XVII века, происходил от ветви Лермонтов из замка Балкомы. Подобно многим своим соотечественникам, поступавшим на службу в иностранные армии, он служил в наёмных войсках польского короля. В 1613 году во время войны московского государства с Польшей, при осаде крепости Белой на русскую сторону перешли две роты наёмников – ирландская и шотландская. Среди последних был прапорщик Лермонт. В числе других "бельских сидельцев", Георг Лермонт (или Юшко, как он называл себя в челобитных) остался в России и был принят на военную службу с сохранением дворянского достоинства – "в шляхтичах". Он принимал участие в боях за освобождение Москвы от польских интервентов и был пожалован поместьем в Галицком уезде. В начале 1634 года ротмистр рейтарского полка Юрий Лермонт погиб в бою под Смоленском. Один из его сыновей, Пётр, принял православную веру в 1653 году, и впоследствии был назначен воеводой в Саранске. От его сыновей Евтихия и Петра Петровичей идёт русский дворянский род Лермонтовых, прямым потомком которого является Михаил Юрьевич.

Необходимо отметить, что к моменту написания "Смерти Поэта" в Петербурге проживало 11 человек, носивших фамилию Лермонтовых. Это были представители основной, костромской ветви рода; отец Юрия Петровича, дед поэта Пётр Юрьевич, отделился от них, продав имение Измайлово под Костромой. Они вместе с супругой Анной Васильевной (ур. Рыкачёвой) в 1791

году приобрели у помещика Д.П. Беклемишева имение Кропотово (Любашевка тож) Ефремовского уезда в Тульской губернии, которым владели до смерти, а после них их дети: Юрий (отец поэта) и 6 его сестёр. Там он и познакомился с Марией Михайловной Арсеньевой, своей будущей женой.

Отец Михаила Юрьевича родился 26.12.1787 в селце Никольское Галицкого уезда Костромской губернии. С 1798 по 1804 год учился в Сухопутном Шляхетном Кадетском корпусе. Выпущен в Кексгольмский мушкетёрский полк прапорщиком. Но хорошо

ной поручик Лейб-гвардии Семёновского полка Михаил Васильевич Арсеньев, умер в 1810 году в Тарханах; смерть его была скорострительной и произошла при загадочных обстоятельствах, что дало пищу некоторым додумкам "биографам" поэта заподозрить самоубийство от несчастной любви к жене соседа княгине Мансыревой, и даже – отравление ревнивой женой, не простившей измены супругу. Версия эта не может быть принята всерьёз, поскольку известно, что последняя была влюблена в мужа, после его смерти отказывала достойным же-

нить не удаётся, поскольку в документах и исповедальных книгах она указывала разные лета с большими расхождениями. Считается наиболее вероятным, что она родилась в 1773 г.; зная точную дату её смерти – 1845 г. – можно полагать, что она прожила на свете 72 года. Её отец, Алексей Емельянович, екатерининский вельможа, друг и собутыльник братьев Орловых, содержал крепостной театр. О нём писал А.С. Грибоедов: этот тот, который "весь погружен умом в амурах и зефирах", "сам толст – его артисты тощи". Но при этом оказался недурным антре-

этому она выступила противницей этого брака. Однако тихая болезненная Машенька имела не менее твёрдый характер: в противостоянии с властной и крутой матерью она сумела отстоять своё право на чувство.

Супруги Лермонтовы проживали дружно, часто бывали в Москве, где посещали Благодарное собрание. Там же, у Красных ворот, в доме Ф.А. Толя в ночь со 2 на 3 октября (*ст. ст.*) 1814 года у них родился маленький Мишенька (дом этот ныне не существует, на его месте находится "высотка", где расположен вход на станцию метро "Красные ворота"), после чего семья переехала в имение Елизаветы Алексеевны село Тарханы Пензенской губернии. Однако в 1817 году болезненная Мария Михайловна скончалась, и разлад между тещей и зятем усилился. Отец уехал в свою деревню, оставив сына на попечение бабушки, но это не было добровольным временным актом. Ревнивая и властная Е.А. Арсеньева желала владеть внуком единолично. С этой целью она написала в завещании, что если ей не отдадут Мишеньку, то имение и капиталы перейдут в семью Столыпиных.

Образование в те времена стоило дорого (например, за обучение Мишеньки в Благодарном пансионе бабушка платила около 1000, а в Юнкерской школе – более 2000 рублей в год), поэтому Юрий Петрович, небогатый помещик, вынужден был согласиться. Трудно сказать, откуда явилась лживая версия, будто отец, негодный развратный человек, избивавший жену и изменявший ей даже с боннами своего сына, к тому же продал его теще за 25000 рублей, которые получил по выданному ему векселю. Но дело в том, что сумма эта составляла приданое его жены, которое непрактичный Юрий Петрович то ли не удостоверился официально зарегистрировать на себя, то ли не хотел платить за это в казну крупную пошлину. Да и денег таких у него никогда не было. А рассказы о его обращении с женой, по мнению автора, пушены в оборот бабушкой, желавшей отнять сына у отца, имевшего на него "первое право", – чтобы оправдаться перед дворянской общественностью в этом беззаконном акте. В чём ещё можно было обвинить мужчину, который не пьёт запоем и не проигрывает в карты семейное состояние?

С той поры отец и сын проживали в разлуке, хотя Юрий Петрович, наезжая в Москву по делам своего переезженного именина, постоянно навещал Мишеньку. Известно также, что бабушка несколько раз привозила внука в тульское имение отца, которого ребёнок очень любил – их встречи были радостными для обоих. Обстоятельства семейной трагедии описаны Лермонтовым в юношеской драме "*Menschen und Leidenschaften*" ("Люди и страсти"). Там невольный виновник и жертва разлада, разрывавшийся от привязанности к двум самым близким ему людям, всё же не пощадил горячо любимую бабушку. Видимо, отцу эта драма была известна: в своём завещании Юрий Петрович, хотя и указывает на Арсеньеву, как на виновницу семейной вражды, но закиная сына не ожесточаться против последнего близкого ему человека.

Наконец, нельзя не упомянуть ещё об одном предпологаемом близком родственнике Михаила Юрьевича. В своём завещании отец поручает ему заботиться о младенце Александре Петрове; полагают, что он был сыном Юрия Петровича и крепостной девушки; имеется недостаточное атрибутированный рисунок, на котором изображён офицер, держащий на коленях маленького мальчугана. На основании отдалённого сходства с Лермонтовым считают, что на рисунке изображён сам поэт со своим сводным братом. Заманчиво было бы предположить, что где-то на свете проживают потомки брата Михаила Юрьевича, но к сожалению, о его дальнейшей судьбе ничего не известно.

К вопросу о родословной

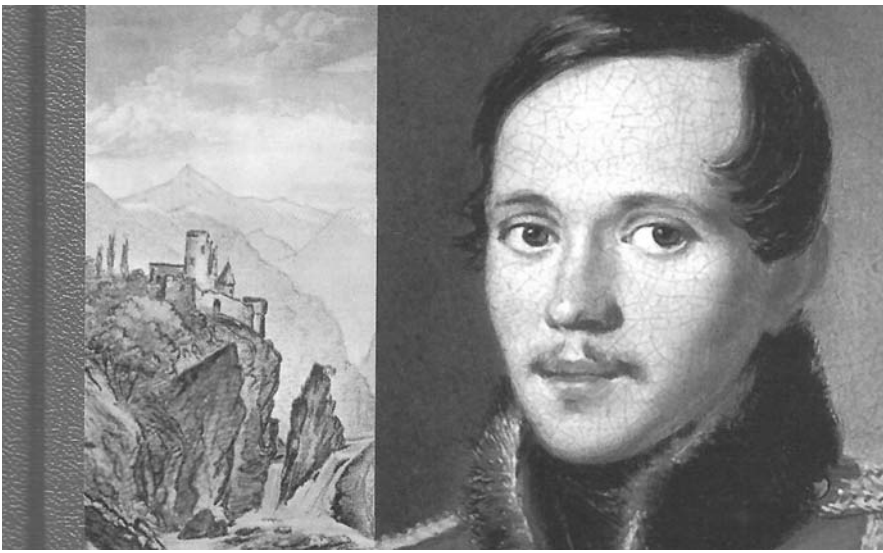
образованных людей в России даже среди офицеров, видимо, было не так много, поэтому с 1805 по 1811 годы Юрий Петрович, пройдя командный ценз, привлекается в качестве воспитателя в I Кадетском корпусе в Петербурге и числится там на особом хорошем счету. Во всяком случае поручик Юрий Лермонтов при отставке "за болезнью" награждён следующим чином штабс-капитана, с правом ношения военного мундира. Такая привилегия давалась особо заслуженным уважаемым офицерам. Официально в документах он именовался не просто "капитаном", но – "корпуса капитаном", что указывало на его принадлежность к образованной армейской элите. Во время Отечественной войны вернулся в строй и командовал батальоном в Егерском полку тульского ополчения. Отчислен из армии в конце 1813 года по болезни; Умер рано, в 1831 году, возможно, от туберкулёза, горячо оплаканный сыном, успевшим на похороны отца.

Древний род столбовых дворян Лермонтовых не был титулованным, но зато был боевым. К настоящему времени известны краткие биографии 67 воинов, носивших фамилию Лермонтовых, но список этот не полон. Известен также ещё один представитель этого рода, сыгравший роковую роль в судьбе династии Гольштейн-Готторп-Романовых – это генерал Николай Владимирович Рузский, потомок внебрачного сына А.М. Лермонтова, городского в Рузе, откуда и получил эту фамилию. Н.В. Рузский, в конце I Мировой войны командовавший Западным фронтом, вместе с Гучковым, начальником Генштаба генералом Алексеевым и Великим князем Николаем Николаевичем заставили императора Николая II подписать отречение от престола.

Основателем рода бабушки Михаила Юрьевича по отцу, Анны Васильевны Рыкачёвой, являлся некий Урюком (возможно – XIV-XV вв.); точная родовая роспись в 6-м разделе родословной книги Костромской губернии ведётся с 1543 года. Это тоже старинный дворянский род, представители которого оказали немало услуг Московским князьям и Российским императорам, и были связаны родственными узами со многими прославленными дворянскими фамилиями. Прабабушка поэта Авдотья Васильевна (ур. княжна Макулова) вышла замуж за капитана драгунского полка, участника походов Миниха в Крым Василия Ивановича Рыкачёва (впоследствии, по выходе из военной службы – коллежский советник, Товарищ Сибирского губернатора). На их дочери Анне женился дед поэта отставной поручик Пётр Юрьевич Лермонтов; супруги со своими многочисленными дочерьми и единственным сыном Юрием до 1799 года (год смерти П.Ю.) владели собственным домом в Москве у Никитских ворот.

Мать поэта Мария Михайловна родилась 17.03.1795 в Москве – умерла 24.02.1817 в селе Тарханы, Пензенской губернии. Она вела своё происхождение из древнего рода Арсеньевых (на Дарье Арсеньевой был женат "полудержавный властелин" Александр Данилович Меншиков, сподвижник Петра Великого). Её отец, остав-

нихам и навсегда осталась вдовой. В переписке со своей родственницей П.Крюковой бабушка поэта постоянно подчёркивала добродетели покойного супруга и желала внуку обладать ими. Кстати, отец Лермонтова намеревался назвать своего сына либо Петром, либо Евтихием (Пётр, Юрий и Евтихий –

традиционные мужские имена в семье), но по настоянию бабушки ребёнок был наречен Михаилом в честь деда по матери.

Арсеньевы вели свою родословную от выхода из Золотой орды, перешедшего на службу в Москву и принявшего православие. Из многочисленных братьев деда поэта наиболее известен генерал Никита Арсеньев, герой войны 1812 года. Когда Михаил Юрьевич окончил Юнкерскую школу и был произведён в офицеры, бабушка уехала в Тарханы копить деньги для внука, а его самого оставила на попечение Никиты Васильевича; в его доме для поэта была даже отведена особая комната, где он останавливался на несколько дней. Менее известен другой брат деда, Григорий Васильевич Арсеньев – в основном, по делу о разделе имения умершего их родственника Афанасия и тяжбе по этому поводу с другим наследником, поручиком Дураковым. Родовое гнездо этой ветви рода Арсеньевых было в Тульской губернии, по соседству с деревней Кропотово, принадлежавшей Лермонтовым. В их имении юная Машенька Арсеньева познакомилась с красивым, обаятельным и образованным Юрием Петровичем Лермонтовым, а арсеньевская родня во многом способствовала этому браку.

Кроме того, нужно отметить, что известный фаворит Петра Великого, "полудержавный властелин" А.Д. Меншиков был женат на Дарье Арсеньевой. По этой генеалогической линии Лермонтов находился в родстве с правником "Данилыча", тогдашним морским министром и генерал-губернатором Финляндии князем Александром Сергеевичем Меншиковым.

Мать Марии Михайловны, другая и наиболее известная бабушка поэта, Елизавета Алексеевна Арсеньева, происходила из знатного дворянского рода Столыпиных. Возраст её устано-

пренёром – его хорошо вышколенные талантливые артисты были куплены в казну, и при образовании Малого театра составили основу его первой труппы.

Из многочисленных сыновей Алексея Емельяновича (поэт приходился им вчужым племянником) известны полковник Александр Столыпин, любив-

мой адъютант А.В. Суворова, продолжавший с полководцем Итальянский поход; комендант Севастополя генерал Николай Столыпин, участник войны 1812 г., разработавший новые принципы боевого применения лёгкой кавалерии, убитый толпой во время холерных бунтов; сенатор Аркадий Столыпин, известный законодатель, близкий друг М.М. Сперанского; артиллерийские офицеры Дмитрий и Афанасий Столыпины, кавалеры ордена Св. Георгия, насмерть стоявшие на батарее Раевского; перед боем братья дали "ганибалову клятву" умереть, но не отдавать Москву французам.

Браки братьев и сестёр Елизаветы Алексеевны (старшей в семье) соединили род Столыпиных генеалогическими связями с рядом других "столбовых" дворянских фамилий – Анненковых, Пашковых, Опочининых, Мещериновых, Шан-Гиреев, Улицких, Крюковых, Устиновых, князей Трубецких и других.

Наконец, нельзя пройти мимо блестящей личности знаменитого реформатора Петра Аркадьевича Столыпина. Его отец был сыном упомянутого выше генерала Дмитрия Столыпина; несмотря на то, что он был более чем на 10 лет младше Лермонтова, они близко подружились, когда поэт проводил несколько летних сезонов в их подмосковном имении Середниково, где они вместе играли и проказничали. По этой линии П.А. Столыпин приводился Лермонтову троюродным братом.

Возможно, что такое положение рода Столыпиных обосновало негативное отношение Елизаветы Алексеевны к Юрию Петровичу Лермонтову. Отставной капитан, происходивший из незнатного (по её мнению) рода и небогатый помещик, владевший маленьким имением в 130 душ крепостных совместно с тремя незаужеными сестрами, был, по её мнению, недостойной партией для единственной дочери. По-

бовную идиллию на острове.

Но литература вскоре надоедает Байрону, и он вслед за своим Дном Жуаном устремляется в самую горячую точку Европы, в любимую Грецию. Обратило в молодость. Греки встречают великого лорда как полководца. Байрон на свои деньги снаряжает греческий флот, снаб-

жает повстанцев и даже командует отрядом, но внезапная лихорадка обрывает его жизнь в 1824 году. Традиционный предел жизни поэтов – на рубеже 37 лет.

"Вольности поэтом" назовёт его Пушкин. Но к Байрону это вряд ли применимо. Он никогда не был в рабстве и в вольности не нуждался...". И впрямь, ни Пушкину, ни Лермонтову в николаевской России не представляла та вольность, какой обладал богатейший английский аристократ лорд Байрон.

Незадолго до смерти Байрон писал: *Мой дух! Ты помнишь ли, чья кровь Завещана тебе в удел? Воспрянь же, как Эллада, вновь Для славных дел!*

Пусть над тобой утратит власть Гнев и улыбка красоты. Умей унять любую страсть, – Не мальчик ты!

Ты прожил молодость свою. Что медлится? Вот он, славы край. Своё дышание в бою Ему отдай.

Свободной волею влеком

К тому, что выше всех награды,

Взгляни кругом, найди свой холм

И спи, солдаит!

Прекрасная поэзия. Прекрасная судьба. Но – иная. Совсем иной наш "гонимый миром странник", со своим отечеством, со своей русской душой. И в этом главное отличие лирического героя Лермонтова от героя Байрона.

Во-первых, он был странником, был гонимым властями и элитой, был ссыльным, но никогда не был изгнанником со своего Отечества, как Герцен, или Печерин. Скорее, он мечтал о дальних путешествиях: в Персию, в Китай, на Восток, который его всегда манил, и был равнодушен к западным странам. Разве что мечтал о родной Шотландии.

Гоним он был прежде всего властями, презренными новорусскими богачами, очень схо-

жими с нашими нынешними "новыми русскими". Гоним "сильными мира сего". Гоним невежественной элитой. Но был ли он гоним его боевыми товарищами? Теми же казаками? Разве смог бы далекий от души своего народа поэт написать знаменитую "Казачью колыбельную песню"? Сколько в песне любви, нежности, заботы, тревоги, которые близки и понятны всем матерям.

*Стану я тоской томиться.
Безутешно ждуть;
Стану целый день молиться,
По ночам задасть;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...*

В песне соединены Бог, мать, дом родной, отчизна – высшие ценности народного бытия. Таких песен, кстати, у Байрона нет.

Прочёл в литературных исследованиях, что "Для русского романтизма свойственные многие европейские черты, но некоторые из них имеют свои особенности. Так же, как и в Европе, романтизм ставит в центр произведения героя, чьи разногласия с обществом достигли такого накала, что он порывает с ним отношения и ищет место для себя в опасностях и подвигах далеких странствий, в борьбе за справедливость, в необычных подвигах, в необычной любви, как это делали герои Байрона, Шиллера, Вальтера Скотта, Гюго и других. Но Михаил Лермонтов совершенно верно заметил: "Нет, я не Байрон, я другой..."

Русский романтизм отличает особая глубина страсти, "надежд разбитый груз", как говорил Лермонтов, поскольку русская культура и русское искусство гораздо теснее, чем в Европе, связаны с политической жизнью общества, с горячим гражданским чувством его художников, рождающим удивительный сплав любви к родине и её народу и неприятия реалий жизни. Отсюда резкая ирония, горечь и безысходность в судьбах романтических героев литературы и отблеск трагичности в портретной живописи этого художественного направления".

В этом нет ни пренебрежения иными культурами, ни излишнего возвышения своего. Это данность от Бога. Необходимо ценить другие национальные культуры, но негоже забывать и про свою.

И потому с юных лет Михаил Лермонтов считал себя прежде всего национальным русским поэтом. Всё творчество поэта – это его размышления о смысле существования и человека, и нации, и своей судьбы, и судьбы своей Родины.

Владимир БОНДАРЕНКО

(начало на стр.1)

Печально предсказал Михаил Лермонтов и свою скоротечную судьбу, будто догадывался о своём жестокомсудном убийце.
*Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум немного совершит...*

На поэтов всегда находятся у нас в России хладнокровные убийцы, спокойно убивают всех: от Пушкина до Гумилева, от Лермонтова до Рубцова.

Я прочёл у Дмитрия Галковского интересные предположения:

"Сложная форма поэмы заимствована у Байрона. Эта форма необычайно подошла Пушкину. Байроновское сатирическое отстранение помогало Пушкину овладеть чужой темой, адаптироваться к ней, органично включить в своё "я" чужеродное начало. ОТСЮДА уже несерьёзность русской литературы, её "недобротность". И ведь всё наследие Пушкина, все сюжеты его заимствованы.

Таким образом, персонажность, опереточность уже была заложена в русской литературе. Ошибка Гоголя и в том, что он воспринял всё слишком серьёзно, превратил русскую литературу в нечто исключительно серьёзное. Был упущен "игровой момент". Гоголь не столько научил, сколько разучил русских смеяться. "И так бывает" превратилось в "бывает только так". Пушкинского "русский может обернуться и Байроном" превратилось в "русский – это Байрон".

Но почему же, откуда? Каковы причины? Одиноким страдалец-то отчего? Не из-за того же, что в Англии XIX века развитие личности начала дошло до степени анархического индивидуализма. И тут пошли в ход "поколения", "судьбы России". Лермонтов воспринял Пушкина через призму только-только зарождающейся "гоголевской школы":

*Нет, я не Байрон, я другой,
Ещё неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.*

Какой же Пушкин был "гонимый миром странник"? – Это форма. У Лермонтова – содержание. Почему "гонение", из-за чего? Уже даётся "базис":

*Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и позидним их умом,
И жизнь уж нас томит,
Как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.*

Действительно, англичанин того времени,

наследник богатейшей западноевропейской культуры и истории, истории, в которой "Октябрьская революция" была, почитай, лет 200 назад (Кромвель), такой наследник мог считать себя богатым ошибками и поздним умом старших поколений. Но русские-то чем богаты тогда были? Чужими ошибками и чужим умом?

Произошло заигрывание. Счётчик уже включён, и рано или поздно конец лермонтовской "Думы" сбудется:
И прах наш,

*с строгостью судьбы и гражданина,
Потомок оскорбит
презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся опитом.*

Это очень важный момент. Принципиальный. Что же было упущено в Пушкине? – Несерьёзность, игра".

Очень верное наблюдение. При всей своей молодости и яркости страстей, пылкости и взрывном характере, Лермонтов никогда в своей короткой жизни не играл легко и несерьёзно, но всё вкладывалось полностью. И впрямь, он не был просто литератором.

Почему он "гонимый миром"? И чем же, в конце концов, отличается русская душа Лермонтова от души Байрона? Это видно из того же андреевского анализа стихотворения "Ангел". Для Даниила Андреева "Ангел, несший его [Лермонтова] душу на землю и певший ту песню, которой потом "заменить не могли ей скучные песни земли", есть не литературный прием... а факт". Истинный ангел с истинного неба.

Если так всерьёз прочитывать все произведения Лермонтова, то и легко найдёшь все ответы на все лермонтовские вопросы. Именно "миром печали и слёз" гоним "неведомый избранник".

*И звук его песни в душе мой ходит
Остался – без слов, но живой.*

Лермонтов пишет всё о той же русской душе:

*...И долго на свете томилась она
Желанием чудным полна...*

*И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли...*

Неповторимость "русской души" в том и состоит, что она никогда не успокоится на земных скучных песнях, постоянно устремлена к высшим мирам.

Гонимый миром странник

Внешне он и на самом деле близок Байрону, но вчитается в двух этих гордых гениев и понимаешь их различие. Романтические, свободные герои Байрона, как правило, космополитичны, в самом хорошем смысле этого слова, борются со злом повсюду в мире.

Да и сам Байрон сражался в Греции, где и погиб. Его всегда, с юности, тянуло вдаль, за моря. В 21 год уплыл сначала в Испанию, потом в Албанию, где подружился с турецким властителем Али-пашой. Затем последовал в город своей судьбы, на родину красоты, которой всю жизнь поклонялся, – в Афины. Молодой Байрон влюбился в гречанку, прославил её в стихах, называя не иначе как Афинской девой. Так древние греки именovali богиню Афины Палладу, ставшую символом всё той же свободы. Он вернётся в Англию через два года с автобиографической поэмой "Паломничество Чайльд Гарольда", которая принесёт поэту всемирную и вечную славу.

И сам Байрон, и его герои – первые космополиты мира, свободные от всех национальных и нравственных оков. Трагична богоборческая драма "Манфред". Трагичен и сам поэт. Байрон разочаровался во всём: в Боге, в любви, в политике, в жизни как таковой. Бросает он и Грецию, ради нового увлечения – Италией, в которую он влюбляется как в новую женщину, всё такое благородно всячески поддерживает карбонариев в их борьбе за независимость Италии от Австрии.

Я уж не говорю о его любовных обильных похождениях. Константин Кедров справедливо пишет: "А в личной жизни образуется магический четырёхугольник: Перси Биш Шелли, его жена Марии Шелли, Байрон и его фактическая жена Тереза. От этого "брака" родился впоследствии роман Эдги Шелли "Франкенштейн". Неожиданная гибель поэта Шелли в морских волнах разбивает демоническую идиллию. Байрон очнулся от дурмана и наконец-то закончил поэтическую феерию "Дон Жуан". Разумеется, герой испытал всё то, что испытывал Байрон, – любовь в гареме, пресыщение, лю-